

Г. Ф. Михеев

Волны «ленинградского дела» (по материалам следственных дел родственников «врага народа»)

С конца 1980-х гг. появилось множество публикаций, посвященных «ленинградскому делу». Среди них следует отметить основанные на документальных материалах книги В. И. Демидова и В. А. Кутузова «Ленинградское дело»¹, Л. А. Вознесенского «Истины ради...»², А. П. Смирнова «Судьбы людей. “Ленинградское дело”»³. Этому же вопросу посвящены статьи А. З. Ваксера⁴, В. А. Кутузова⁵, А. П. Смирнова⁶, А. А. Амосовой⁷, К. А. Болдовского⁸, а также многих других авторов. В этих работах в основном рассматриваются общие аспекты «ленинградского дела», без конкретизации и детализации.

Не обошли вниманием «ленинградское дело» и зарубежные исследователи. Так, например, взгляды на него были изложены в публикациях профессора Ричмондского университета (США) Дэвида Бранденбергера⁹. Обзор оценок и суждений англоязычных авторов по тематике «ленинградского дела» отражен в статье А. А. Амосовой¹⁰.

Автор статьи получил возможность ознакомиться с хранящимися в архивах ФСБ (Центральном и УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области) следственными делами родственников управляющего делами Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) Ф. Е. Михеева (старшего сына, брата и двух сестер), проходивших по «ленинградскому делу». На взгляд автора, описание хода следствия на основе конкретных документов, не доступных широкому кругу исследователей, дает возможность наглядно представить, как «дело» коснулось семей и родственников репрессированных ленинградских руководителей, что может представить определенный интерес для историков и читателей, интересующихся этим периодом истории Ленинграда.

1 октября 1950 г. в ленинградском Доме офицеров трагически завершился основной процесс «ленинградского дела», уничтожив-

Михеев Георгий

Филиппович,

сын Ф. Е. Михеева,
управляющего делами
Ленинградских обкома
и горкома ВКП(б)
в 1940–1949 гг.

(Санкт-Петербург,
Россия)

ший шесть первых его жертв. На этом процессе Ф. Е. Михеев был осужден на десять лет тюремного заключения.

18 октября 1950 г. В. М. Андрианов, ставленник Г. М. Маленкова, в то время первый секретарь Ленинградских обкома и горкома ВКП(б), обратился непосредственно к И. В. Сталину с просьбой «дать указания МГБ (Министерству государственной безопасности. — Г. М.) СССР о выселении из Ленинграда семей враждебной антипартийной группы — Кузнецова, Попкова, Лазутина, Капустина и других осужденных как предателей и врагов советского народа»¹¹. Вероятно, согласие вождя было получено, и «охота» на семьи и родственников осужденных по «ленинградскому делу» была открыта.

Семью Ф. Е. Михеева волна «ленинградского дела» накрыла 20 октября 1950 г.: была арестована его жена, А. А. Михеева. Как велось следствие по ее делу, описано в статье «“Ленинградское дело” (по материалам следственных дел) (часть II)»¹².

К тому времени, очевидно, перестал действовать провозглашенный И. В. Сталиным в 1935 г. принцип «сын за отца не отвечает», и власти стали руководствоваться иным подходом: «Яблоко от яблони недалеко падает». Поэтому сразу же после ареста матери автора,

Дела по обвинению Михеева В. Ф. и Михеевой Е. Е.

В. Ф. Михеев (тюремное фото)

десятилетнего третьеклассника, сотрудники МГБ на черной «эмке» увезли из дома от оставшихся родственников под предлогом того, что «мама просила об этом». Однако вместо мамы вечером 21 октября 1950 г., после кратковременного пребывания в местном отделении милиции, он оказался в Центральном детском приемнике-распределителе Ленинграда на Песочной набережной, где уже находились сыновья бывших ленинградских руководителей разных рангов: Андрей Капустин, Игорь Левин, Саша Бурилин, Сергей Вербицкий, Сергей Таиров, Володя Колобашкин, Борис и Игорь Тихоновы. Им было по девять–четырнадцать лет, а Игорю Тихонову только-только исполнилось пять. Держали отдельной группой, изолированно от других ребят. Оставшиеся после ареста матерей родственники длительное время не знали, где находятся «изъятые» дети, считая, что они «с мамой».

В ноябре–декабре 1950 г. детей по одному и группами стали отправлять из детприемника по разным детским домам страны (самым обычным, а не специальным для детей «врагов народа», как об этом иногда пишут).

Позже, когда стало известно местонахождение детей, некоторым матерям, находившимся в ссылке, после длительной переписки с различными инстанциями удалось добиться, чтобы их детей (в том числе и автора) из детдома привезли к ним в ссылку.

Следующей волной накрыло Валерия, сына Ф. Е. Михеева, причем на его детскую долю выпали вполне взрослые испытания. 1 ноября 1950 г. за ним, школьником-десятиклассником, как за опасным государственным преступником на квартиру на улице Рылеева (где он

с бабушкой, Шеметовой Еленой Гавриловной, жил после ареста родителей) пришли два майора МГБ (С. Н. Прокофьев и А. М. Воронков). Собственно, от квартиры оставались только восьмиметровая комната и кухня, поскольку две комнаты были опечатаны после арестов Ф. Е. Михеева и А. А. Михеевой.

Предъявили ордер от 1 ноября 1950 г. № 987 на арест и обыск¹³, подписанный зам. начальника Управления МГБ по Ленинградской области (далее — УМГБ ЛО). В присутствии дворника довольно небрежно провели обыск, однако на кухне натолкнулись на «финку», которая в семье использовалась в качестве кухонного ножа. В результате протокол обыска¹⁴ стал более весомым. В нем были перечислены паспорт, читательский билет Публичной библиотеки, комсомольский билет и злосчастный «финский нож». Имея такой «вещдок», при необходимости можно было говорить о террористических намерениях арестованного школьника.

Был также составлен акт¹⁵, в котором фиксировалось отсутствие вещей, которые можно было бы изъять у В. Ф. Михеева. Затем ему велели одеваться (посоветовав одеться потеплее) и вывели из квартиры. Поскольку в это время бабушка отлучилась из дома и сообщить ей об аресте не было возможности, он прямо на обоях в прихожей карандашом написал: «Меня забрали»¹⁶.

На «эмке» В. Ф. Михеева доставили во внутреннюю тюрьму МГБ на ул. Воинова (ныне Шпалерная), где провели тщательный личный обыск, санитарную обработку, фотографирование и дактилоскопирование. Была также составлена стандартная «Анкета арестованного»¹⁷.

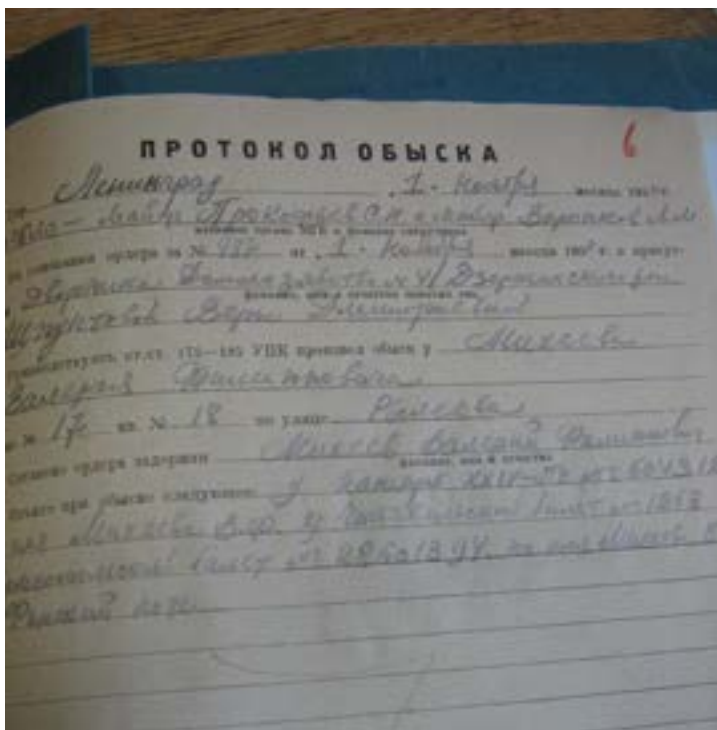
После нескольких дней нахождения в одиночной камере Большого дома он был переправлен в Москву и 5 ноября 1950 г. прошел приемную процедуру в Лефортовской тюрьме, где ему предъявили составленное еще 1 ноября 1950 г. «Постановление (об избрании меры пресечения)»¹⁸. Как и А. А. Михеевой, В. Ф. Михееву были вменены ст. ст. 7 и 35 УК РСФСР¹⁹, а мерой пресечения (чтобы не уклонился от следствия и суда!) было избрано содержание под стражей. Документ был составлен старшим оперуполномоченным УМГБ ЛО капитаном Орловым и начальником отделения майором Сафоновым, согласован с начальником отдела УМГБ ЛО подполковником Мокринским, утвержден лично начальником УМГБ ЛО генерал-лейтенантом Н. Д. Горлинским и санкционирован и. о. Военного прокурора войск МВД СССР Александровым, — всё на полном серьезе!

В тот же день, «рассмотрев материалы следственного дела №__ о преступной деятельности Михеева Валерия Филипповича» (которого, кстати, еще и не было, поскольку официально дело № 4208 было начато 6 ноября 1950 г. — Г. М.) старший следователь следственной части по особо важным делам подполковник Леонов (который вел и дело А. А. Михеевой) «нашел», что «Михеев В. Ф. арестован за преступную деятельность против советской власти» и своим постановлением²⁰ принял дело к производству. Утвердил постановление заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР полковник

Ордер на производство ареста и обыска В. Ф. Михеева

А. А. Болховитин. После этого Леонов составил «Постановление»²¹, утвержденное зам. начальника следчасти по особо важным делам МГБ СССР полковником В. И. Комаровым, в котором значилось, что «МИХЕЕВ является сыном бывшего управделами Ленинградского горкома ВКП(б) МИХЕЕВА Ф. Е., осужденного за участие во враждебной группе, возглавлявшейся изменником Родине КУЗНЕЦОВЫМ А. А.». И поэтому В. Ф. Михеева, как социально опасную личность (!), привлекают к уголовной ответственности по ст. ст. 7, 35 УК РСФСР. Формулировка постановления полностью идентична той, что была применена к А. А. Михеевой.

Протокол обыска В. Ф. Михеева

В своих воспоминаниях²² В. Ф. Михеев пишет, что в Лефортово на допросы Леонов вызывал его несколько раз, однако в деле имеется только один протокол допроса²³, датированный 5 ноября 1950 г.

В этом протоколе, помимо установочных данных, следователь акцентирует внимание на хорошем материальном положении семьи Ф. Е. Михеева и доводит до сведения В. Ф. Михеева, что «Ваш отец осужден за участие во враждебной группе, возглавляемой изменником родине Кузнецовым А. А.». Кстати, в деле имеется выписка из приговора Михеева Ф. Е.²⁴, на основании которой Леонов, видимо, и сообщил В. Ф. Михееву о судьбе его отца.

Тут же Леонов переходит в наступление: «Вы знали о преступных делах своего отца — Михеева Ф. Е., покрываете?»

Ответ В. Ф. Михеева на это обвинение: «Преступная работа моего отца Михеева Ф. Е. мне неизвестна, а также: «о существовании враждебной группы я ничего не знал и сам антисоветскими делами не занимался».

Следователь фиксирует в протоколе: «С Кузнецовым Михеев работал длительное время и отзывался о нем положительно», и что «отец, как мне известно, пользовался доверием у Кузнецова и Попкова...»

И снова: «Ваш отец — Михеев, а также другие разоблаченные изменники родине на протяжении длительного времени проводили вредительскую подрывную деятельность в партийном аппарате Ленинграда. Вы были осведомлены о вражеской работе отца, об этом и покрываете?», на что В. Ф. Михеев отвечает: «О существовании враждебной группы, к которой принадлежал бы мой отец, я ничего не знаю».

Интересны, на взгляд автора, воспоминания об этом В. Ф. Михеева: «Сначала он (Леонов. — Г. М) спокойно спросил фамилию, имя, адрес, а затем вдруг начал орать, постоянно пересыпая свой крик отборным матом, чтобы я признался в преступной связи с отцом, поскольку он оказался шпионом и диверсантом. Я ответил, что действительно проживал в семье вместе с отцом, но возразил...: мой отец всегда был честным партийным работником, он никоим образом не мог быть шпионом и, тем более, диверсантом. Леонов демонстративно разорвал мой комсомольский билет, пропуск в Публичную библиотеку, сказав, что это мне уже никогда не понадобится. Он начал пугать, что если я не буду честно рассказывать о вредительской деятельности отца, то он меня оставит в тюрьме надолго. Потом были вопросы о том, как отец относился к Сталину, Жданову, Кузнецову, какие политические разговоры велись дома, кто приходил к нам в гости. Я отнекивался, говорил, что не знаю, что занимался только своими школьными делами»²⁵. В протоколе допроса все это не было отражено.

Никаких выводов о причастности В. Ф. Михеева к «враждебной деятельности» в протоколе допроса зафиксировано не было, да, видимо, в этом уже и не было нужды.

Надо сказать, что никаких упоминаний об изъятии при обыске финском ноже не было: видимо, необходимость отпала.

В деле присутствует справка²⁶ из медсанчасти Лефортовской тюрьмы, подписанная врачом, майором медицинской службы, свидетельствующая о том, что В. Ф. Михеев «практически здоров трудоспособен к тяжелому физическому труду».

Поскольку следствию все уже было ясно, 6 ноября 1950 г. подполковником Леоновым был составлен протокол об окончании следствия²⁷, а 10 ноября 1950 г. им было составлено «Заключение (по следственному делу № 4208)»²⁸. Этот весьма серьезный документ, согласованный с зам. начальника следчасти по особо важным делам МГБ СССР полковником В. И. Комаровым, был утвержден заместителем министра госбезопасности СССР генерал-лейтенантом Н. Н. Селивановским с согласия «И. О. ГВП СА» (очевидно, и. о. Главного Военного Прокурора Советской армии). В нем констатировалось, что «МИХЕЕВ В. Ф. ...являясь сыном особо опасного преступника МИХЕЕВА Филиппа Егоровича... совместно с ним проживал и находился на его иждивении». Других обвинений зафиксировано не было. Однако одного этого хватило, чтобы дело «направить на рассмотрение Особого Совещания при

Министре Государственной Безопасности СССР (далее — ОСО). — Г. М. предложив сослать МИХЕЕВА Валерия Филипповича на восемь лет в Кокчетавскую область».

А на следующий день, 11 ноября 1950 г., ОСО постановило: «МИХЕЕВА Валерия Филипповича как социально-опасный элемент сослать в Кокчетавскую область Казахской ССР сроком на ВОСЕМЬ лет, считая с I-го ноября 1950 года». С выпиской из протокола № 53²⁹ он был ознакомлен 15 ноября 1950 г.

Отметим рекордно короткие сроки работы «правосудия» — всего десять дней от ареста до приговора!

Затем — пересылки, три с половиной года ссылки в «солнечном Казахстане», реабилитация в 1954 г., 1-й Ленинградский медицинский институт, кандидатская диссертация и практически вся оставшаяся до 2010 г. жизнь, посвященная работе в Институте физиологии им. академика И. П. Павлова по тематике, связанной с генетикой и близнецами.

А. П. Смирнов в своей статье³⁰ на конкретных примерах детей «ленинградского дела» показал, в какой степени, в зависимости от их возраста и степени «вины» родителей, их коснулись репрессии.

Надо сказать, что еще с 1937 г. все действия «органов» по отношению к женам и детям «изменников родины» были строго и детально регламентированы оперативным приказом № 00486, подписанным Н. И. Ежовым, бывшим в то время наркомом внутренних дел³¹. Видимо, все эти положения сохранились вплоть до пятидесятых годов, возможно, в виде каких-либо других документов и инструкций.

Очередная волна «ленинградского дела» накрыла родственников Ф. Е. Михеева через полгода, в июне 1951 г.: в один день, 12 июня 1951 г., были арестованы старший брат Григорий Егорович Михеев и сестра Михеева Евдокия Егоровна.

В отличие от Ф. Е., А. А. и В. Ф. Михеевых, следствие по их делам велось в Ленинграде.

Г. Е. Михеев, 1900 года рождения, воевал с 1942 по 1945 гг., был ранен, награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». На момент ареста работал заведующим материальным складом в Ленинградском университете им. А. А. Жданова.

Е. Е. Михеева, 1906 года рождения, награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». На момент ареста работала воспитателем в интернате № 47 Дзержинского района³².

Следственные действия по их делам велись практически синхронно: 5 июня 1951 г. были утверждены начальником управления МГБ ЛО генерал-лейтенантом Н. Д. Горлинским и 9 июня 1951 г. санкционированы и. о. прокурора города Ленинграда постановления на их арест и обыск³³. Основание одно: «является братом (сестрой) осужденного участника антисоветской вредительской группы МИХЕЕВА Ф. Е.». В постановлениях о выборе меры пресечения³⁴, составленных в тот же день и подписанных теми же должностными лицами, еще

Г. Е. Михеев (тюремное фото)

Е. Е. Михеева (тюремное фото)

до начала каких-либо следственных действий утверждается, что они «изобличаются в преступлении, предусмотренном ст. 5-37 УК РСФСР». В связи с этим было постановлено: «мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда... избрать содержание под стражей во внутренней тюрьме УМГБ ЛО».

Ордера на арест³⁵ были выписаны 11 июня 1951 г. При аресте обыски почему-то проводились более тщательно, чем у ранее арестованных членов семьи. Подробно, на нескольких листах описывалось все найденное во время обыска у Е. Е. Михеевой (документы, письма, фотографии, облигации госзаймов и пр.), и даже такое: «16. № телефонов и адресов на 10 клочках бумаги»³⁶.

А у Г. Е. Михеева описали такие позиции, как шкаф, комод, стулья, подушки, и пр., вплоть до «15. Галоши дамские ношен.» Практически у всех вещей стояла отметка «старый, старое, ношен.», за исключением патефона и швейной машинки, которые были признаны «исправными»³⁷. После ареста Г. Е. Михеева его дети, Нина 1938 г. рождения, и Герман, 1940 г. рождения, через милицию были отправлены в Пушкинский детский приемник и Центральный детский приемник-распределитель на Песочной набережной, соответственно, «для последующего помещения в детский дом»³⁸. Комната, где он проживал с детьми, была опечатана по акту³⁹. Что касается его старшего сына Анатолия, который служил в советской армии и проживал в г. Выборге, то он репрессиям не подвергся.

Явно не коснулись репрессии и взрослых сыновей Е. Е. Михеевой (они носили по отцу фамилию Сергеев).

На взгляд автора, представляет интерес судьба ее старшего сына Кима Иосифовича (Осиповича). Пятнадцатилетним мальчишкой он 1 августа 1944 г. в Ленинграде добровольно поступил на военную службу. С 25 августа 1944 г. был юнгой, проходил службу в частях Краснознаменного Балтийского флота, с декабря 1945 г. — натральщиках. В 1946–1950 гг. он участвовал в боевом тралении на Балтике. Награжден медалями «За оборону Ленинграда»,

«За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». 20 августа 1951 г. (вскоре после ареста матери), будучи уже младшим лейтенантом, был списан с флота⁴⁰.

К. О. Сергеев (1944 г.)

Справа — К. О. Сергеев (1945 г.)

Возвращаясь к Г.Е. и Е.Е. Михеевым, отметим, что далее во внутренней тюрьме УМГБ ЛО все шло своим чередом: составление анкеты арестованного, снятие отпечатка паль-

ца, фотографирование, медицинский осмотр. В тот же день, 12 июня 1951 г., на них были заведены дела. При этом на стандартной обложке значилось: «Хранить вечно». На обложках дел Ф. Е., А. А. и В. Ф. Михеевых, заведенных в Москве, такого грифа не было.

13 июня 1951 г. оба дела были приняты к производству⁴¹ следователем 4 отд. Спецотдела УМГБ ЛО — лейтенантом Трапезниковым. В тот же день им совместно с пом. прокурора Ленинграда советником юстиции Нагорным были проведены первые допросы Г. Е. и Е. Е. Михеевых⁴². Содержание протоколов однотипно: определение круга родственников, выяснение, известно ли им, за что арестован Ф. Е. Михеев и где он находится. На этот вопрос ответы Г. Е. и Е. Е. Михеевых были отрицательными. Кроме того, спрашивали, в каких отношениях они находились с Ф. Е. Михеевым, на что было отвечено: в родственных, доброжелательных, посещали друг друга. Также выяснялось, какую помощь Ф. Е. Михеев им оказывал. Было отмечено, что после войны Ф. Е. Михеев помог им с получением жилья, а Г. Е. Михееву — и с устройством на работу.

Протокол допроса Е. Е. Михеевой⁴³ был выполнен как в рукописном, так и в машинописном виде, причем машинописная его копия была помещена в дело Г. Е. Михеева.

21 июня 1951 г. следователь Трапезников составил постановления о предъявлении обвинения Г. Е. и Е. Е. Михеевым⁴⁴, на основании которых они объявлялись социально-опасными личностями в связи с тем, что «Его (ее) брат МИХЕЕВ Филипп Егорович бывший управделами Ленинградского ГК и ОК ВКП(б), с которым МИХЕЕВ (МИХЕЕВА) поддерживал(а) связь, в 1949 году арестован и осужден за вражескую деятельность против Советского государства». Поэтому они привлекаются в качестве обвиняемых «в преступлениях предусмотренных ст.ст. 7–35...»

Это обвинение в тот же день было предъявлено Е. Е. Михеевой на допросе, проведенном Трапезниковым и Нагорным⁴⁵.

Приведем фрагмент допроса:

«Вопрос: — Вы признаете себя виновной?»

Ответ: — Я признаю, что являюсь родной сестрой бывшего управделами Ленинградского ГК и ОК ВКП(б) Михеева Филиппа Егоровича, который в 1949 году арестован органами Советской власти. До дня ареста его, я поддерживала с ним близкие родственные отношения.

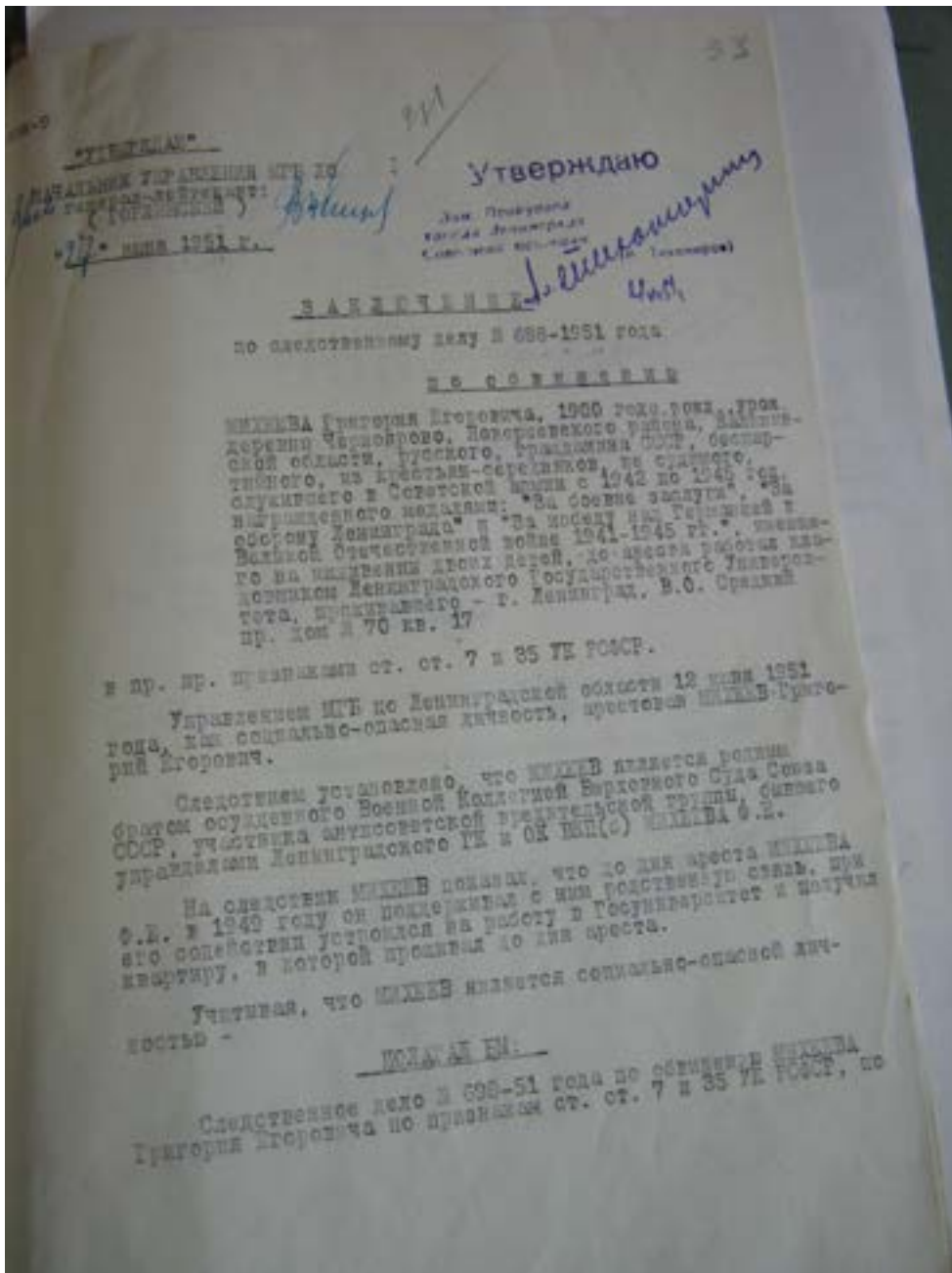
Вопрос: — Что вам известно об антисоветской деятельности Михеева Ф. Е.?

Ответ: — Об антисоветской деятельности моего брата Михеева Ф. Е. мне ничего неизвестно.

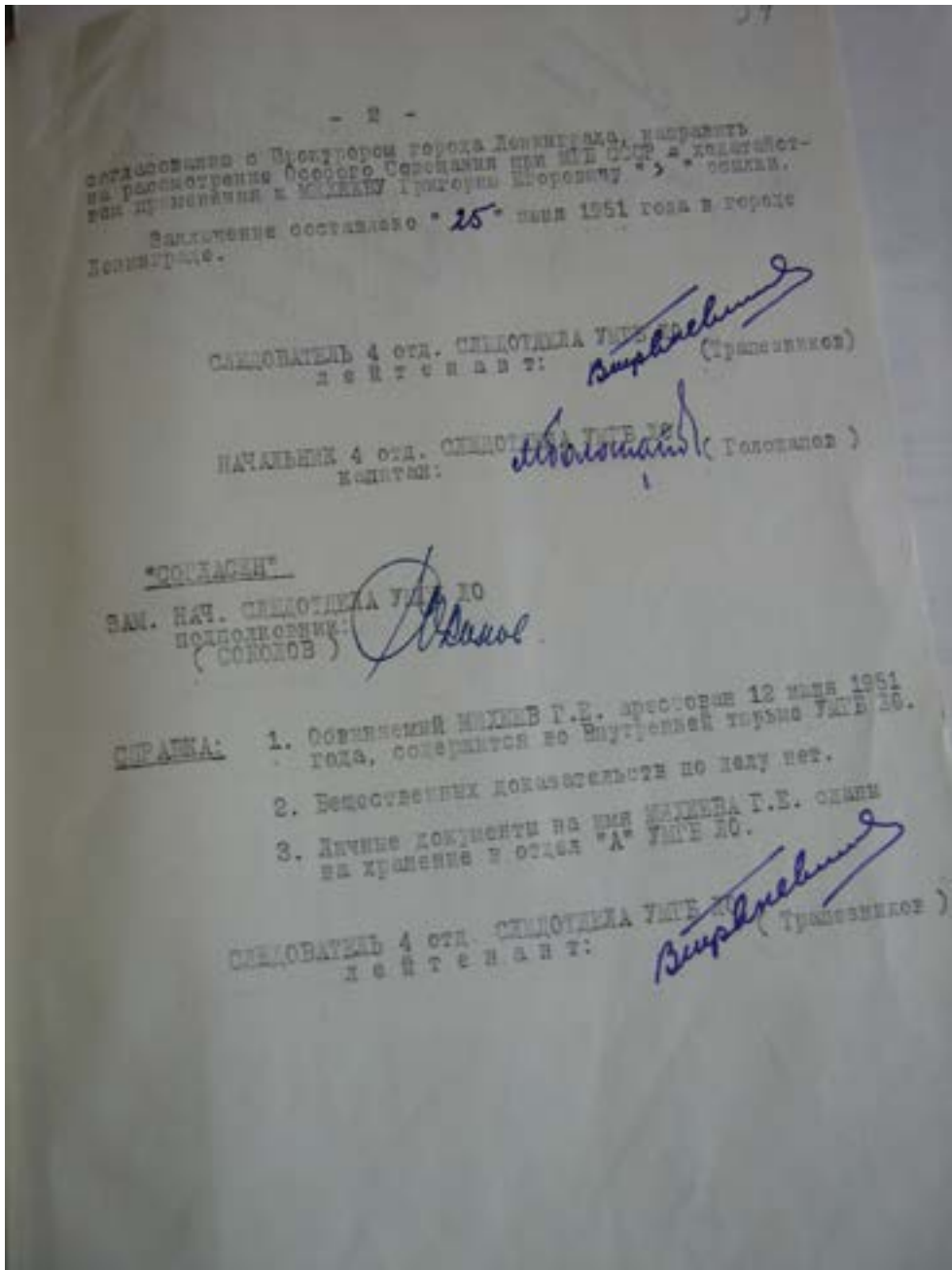
Вопрос: — Вы присутствовали на вечерах, устраиваемых на квартире Михеева Ф. Е.?

Ответ: — Нет, не присутствовала».

Кроме того, подробно выясняли, где и когда она проживала, кем, когда и где работала, где находится ее бывший муж (после немецких концлагерей по возвращении из плена он отбывал срок в советских лагерях), чем занимаются и где проживают ее дети.

Заклучение по следственному делу Г. Е. Михеева

Оборот заключения по следственному делу Г. Е. Михеева

Второй допрос Г. Е. Михеева лейтенант Трапезников (один) провел 22 июня 1951 г.⁴⁶ На нем было предъявлено обвинение по ст. ст. 7–35, подробно рассматривалась вся его жизнь, было зафиксировано признание его вины в том, что он действительно являлся родным братом Ф. Е. Михеева и поддерживал с ним родственные отношения, — словом, полная аналогия с допросом Е. Е. Михеевой.

Менее чем через две недели после ареста, 22 июня 1951 г., теми же Трапезниковым и Нагорным был составлен протокол об окончании следствия и предъявлении его материалов Е. Е. Михеевой⁴⁷. Без всякой задержки, в тот же день, лейтенант Трапезников составил обвинительное заключение по ее следственному делу⁴⁸, которое утвердили зам. начальника управления МГБ ЛО и зам. прокурора Ленинграда советник юстиции А. Тихомиров.

Всего через три дня, 25 июня 1951 г., такие же документы были составлены и по делу Г. Е. Михеева⁴⁹. Только заключение было утверждено лично начальником управления МГБ ЛО генерал-лейтенантом Н. Д. Горлинским.

В заключениях Г. Е. и Е. Е. Михеевы признаются социально опасными лицами, вина которых состоит в том, что они являются близкими родственниками преступника Михеева Ф. Е., до его ареста они с ним общались и получали от него определенную помощь. В связи со всем этим их дела направляются на рассмотрение ОСО с ходатайством об осуждении их на пять лет ссылки.

Примечательно, что в справках, помещенных после текстов обоих заключений, было указано: «2. Вещественных доказательств по делу нет».

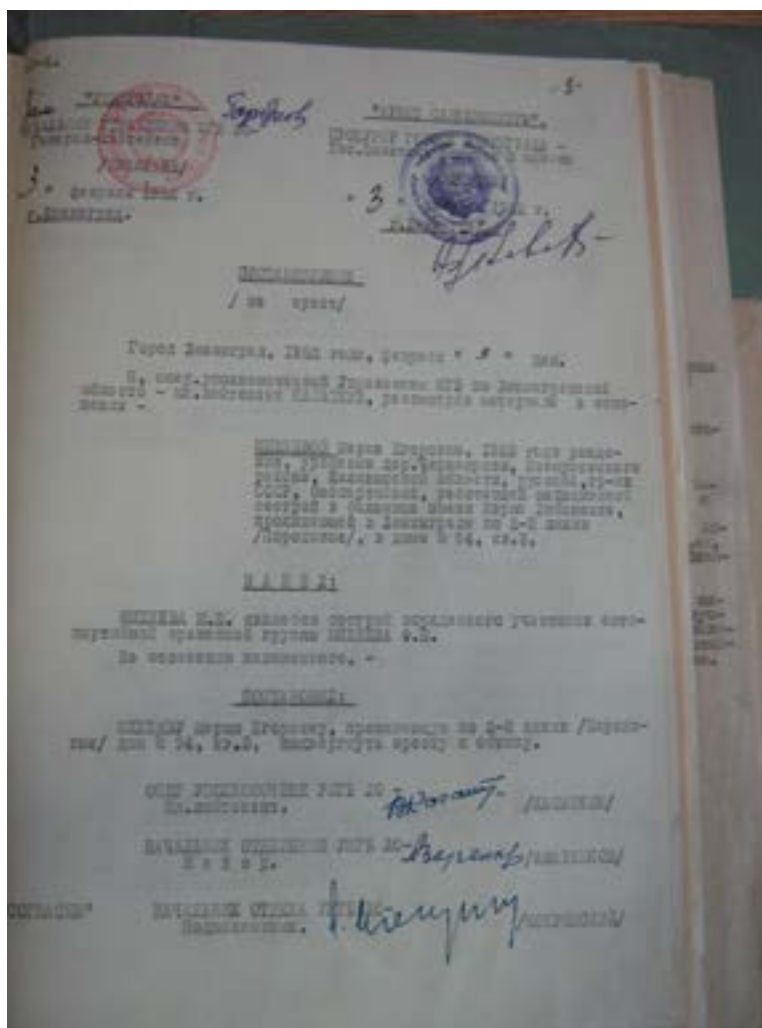
Видимо, ОСО было очень загружено, и очередь до Г. Е. и Е. Е. Михеевых дошла только 15 августа 1951 г. Как и предлагалось следствием, ОСО приговорило их к пяти годам ссылки⁵⁰, причем, в отличие от А. А. и В. Ф. Михеевых, в приговорах ОСО Г. Е. и Е. Е. Михеевым место ссылки им не было определено (так же как не фигурировало оно и в заключениях по делам). Они были высланы в с. Володаровка Кокчетавской области Казахской ССР.

Последней волной «ленинградского дела» захлестнуло сестру Ф. Е. Михеева — Марию Егоровну Михееву, 1923 года рождения, работавшую медицинской сестрой детской инфекционной больницы, спасавшую во время блокады Ленинграда жизни больных, раненых и истощенных детей, награжденную медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Ее арестовали 3 февраля 1952 г., почти через восемь месяцев после арестов Г. Е. и Е. Е. Михеевых. Арест и обыск проводили сотрудники МГБ Тихонов, Силаев и Маркова.

Ордер на арест⁵¹, постановления на арест и обыск⁵² и об избрании меры пресечения⁵³ были составлены 3 февраля 1952 г., утверждены зам. начальника УМГБ ЛО и санкционированы прокурором города С. Н. Однаковым.

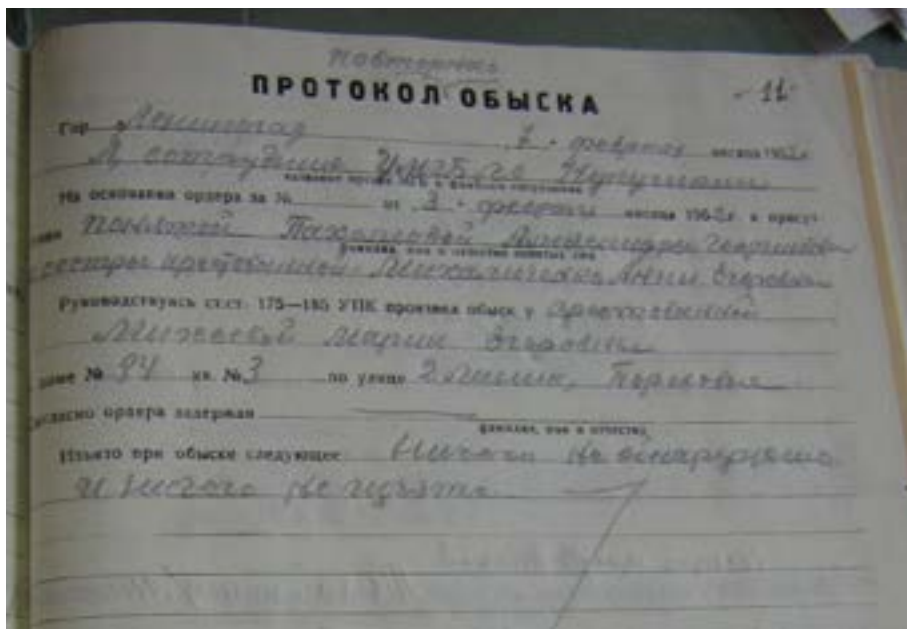
Мотив для задержания и ареста все тот же: «является сестрой осужденного участника антипартийной вражеской группы МИХЕЕВА Ф. Е.».

Постановление на арест М. Е. Михеевой

При аресте был проведен обыск⁵⁴ и составлен акт⁵⁵, свидетельствовавший о том, что «какого-либо имущества и ценных вещей не обнаружено».

М. Е. Михееву привезли во внутреннюю тюрьму УМГБ ЛО, где она прошла стандартные процедуры: составление анкеты арестованного⁵⁶, снятие отпечатка указательного пальца правой руки, фотографирование, медицинский осмотр, в результате которого было выявлено, что она «здоровая», годна к среднему физическому труду и «этапом следовать может»⁵⁷.

Протокол обыска М. Е. Михеевой

4 февраля 1952 г. дело М. Е. Михеевой принял к производству старший следователь 4 отделения следственного отдела УМГБ ЛО майор Приемский⁵⁸, который провел первый допрос⁵⁹, где, помимо установочных данных, выяснялись сведения о родителях М. Е. Михеевой. В протоколе это заняло всего один лист.

Более детальный допрос⁶⁰ состоялся на следующий день. Помимо выявления подробной информации о сестрах и братьях М. Е. Михеевой, уточнялось, что именно ей известно о причинах ареста Ф. Е., Г. Е. и Е. Е. Михеевых, на что она заявила: «За что именно они арестованы органами МГБ, для меня неизвестно».

На вопрос следователя «Расскажите, что Вам известно о преступной деятельности Михеева Филиппа, Михеева Григория и Михеевой Евдокии?», ответ был следующим: «О преступной деятельности Михеева Филиппа, Михеева Григория и Михеевой Евдокии я ничего не знаю» (подчеркнуто в тексте протокола жирной красной чертой. — Г. М.).

Кроме того, следователь спрашивал о том, какое письмо получила М. Е. Михеева от Ф. Е. Михеева из г. Владимира (где он находился в тюрьме. — Г. М.), а также о том, что в ответном письме она сообщила брату о нахождении членов его семьи в ссылке в г. Кокчетаве.

7 февраля 1952 г. состоялся третий допрос⁶¹. Следователь подробно проследил биографию М. Е. Михеевой, а затем вернулся к вопросу о местах проживания и работы Ф. Е. Михеева, уточнил, была ли у него дача и бывала ли на этой даче М. Е. Михеева, ответом на что было: «у него на даче я не была» (подчеркнуто красным карандашом. — Г. М.). Зафиксировал следователь и такие факты, что М. Е. Михеева несколько раз была на квартире Ф. Е. Михеева, и что «Мне же он никакой материальной помощи никогда не оказывал» (вся фраза также подчеркнута красным карандашом. — Г. М.).

В завершение протокола — следующий диалог:

«Вопрос: — Что Вам известно о преступной антисоветской работе Вашего брата Михеева Филиппа?»

Ответ: — О преступной антисоветской работе моего брата Михеева Филиппа мне ничего неизвестно.

Вопрос: — Дайте следствию показания о своей преступной работе?

Ответ: — Я никакой преступной работой, никогда не занималась.

На этом допрос закончился.

В тот же день в комнате, где проживала М. Е. Михеева, почему-то провели повторный обыск: что еще следствие рассчитывало найти у нее, понять трудно. Результат же, зафиксированный в протоколе⁶², был таков: «ничего не обнаружено и ничего не изъято».

Весьма насыщенным и плодотворным для следствия оказался следующий день — 8 февраля 1952 г. Следователем было составлено постановление (о предъявлении обвинения)⁶³, на основании которого М. Е. Михеева была привлечена «в качестве обвиняемой по признакам ст.ст.7 и 35 УК РСФСР».

К делу были также приобщены характеристика М. Е. Михеевой с места работы⁶⁴, выданная «по требованию МГБ» (положительная), а также краткая справка⁶⁵ о Ф. Е. Михееве.

Приемский провел последний (четвертый! — Г. М.) допрос М. Е. Михеевой, на котором под расписку объявил ей постановление (о предъявлении обвинения). Опять обсуждались взаимоотношения М. Е. Михеевой и Ф. Е. Михеева, снова прозвучала очередная вариация стандартного диалога:

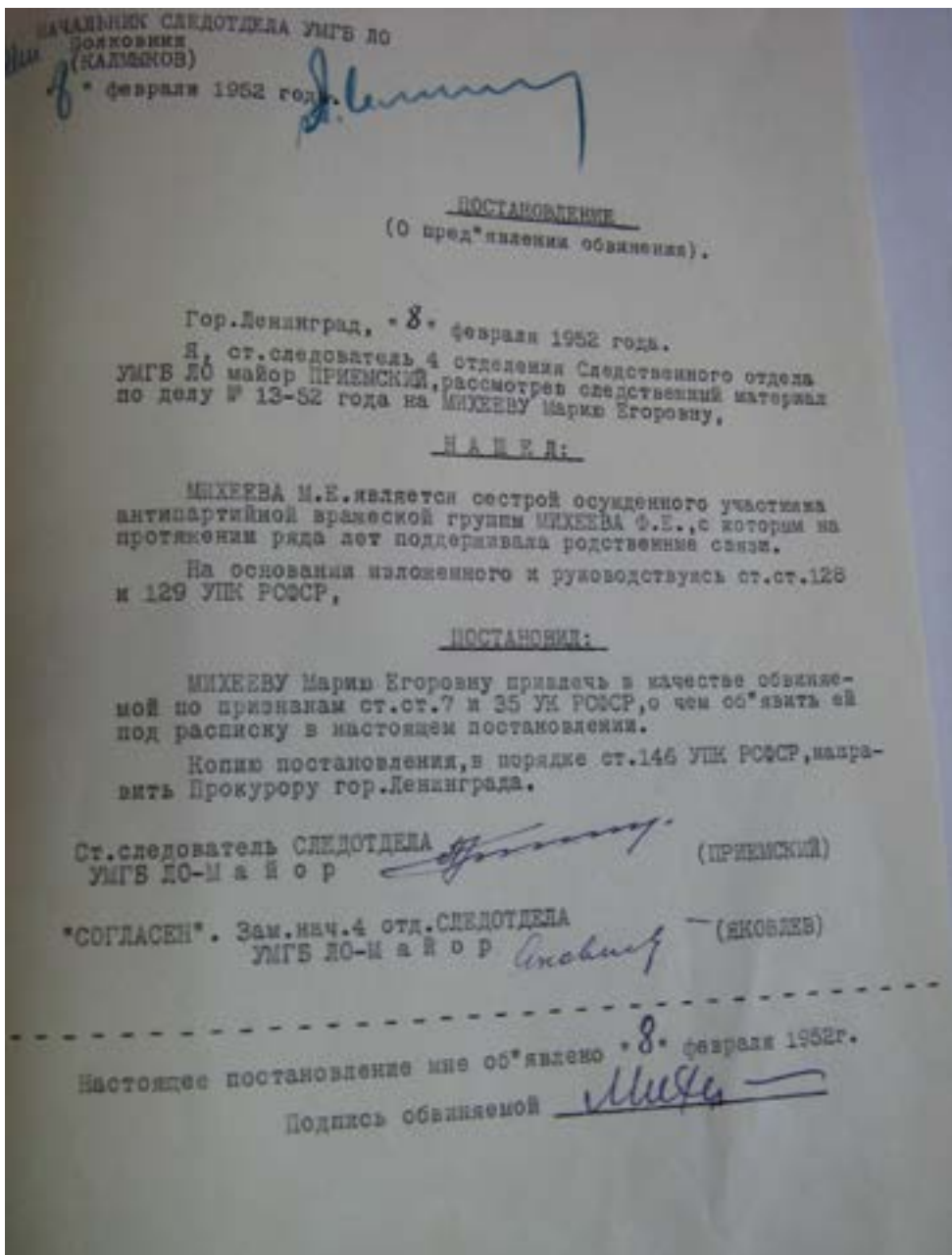
«Вопрос: — В каких преступных связях с братом Михеевым Филиппом Вы находились?»

Ответ: — Ни в каких преступных связях с братом Михеевым Филиппом я не находилась. Мне ничего о его преступной работе неизвестно.

Вопрос: — Дайте следствию показания о своей преступной работе?

Ответ: — Никакой преступной работой против Советского государства я никогда не занималась».

Протокол был также подписан пом. прокурора г. Ленинграда советником юстиции Нагорным.

Постановление о предъявлении обвинения Михеевой М. Е.

М. Е. Михеева (тюремное фото)

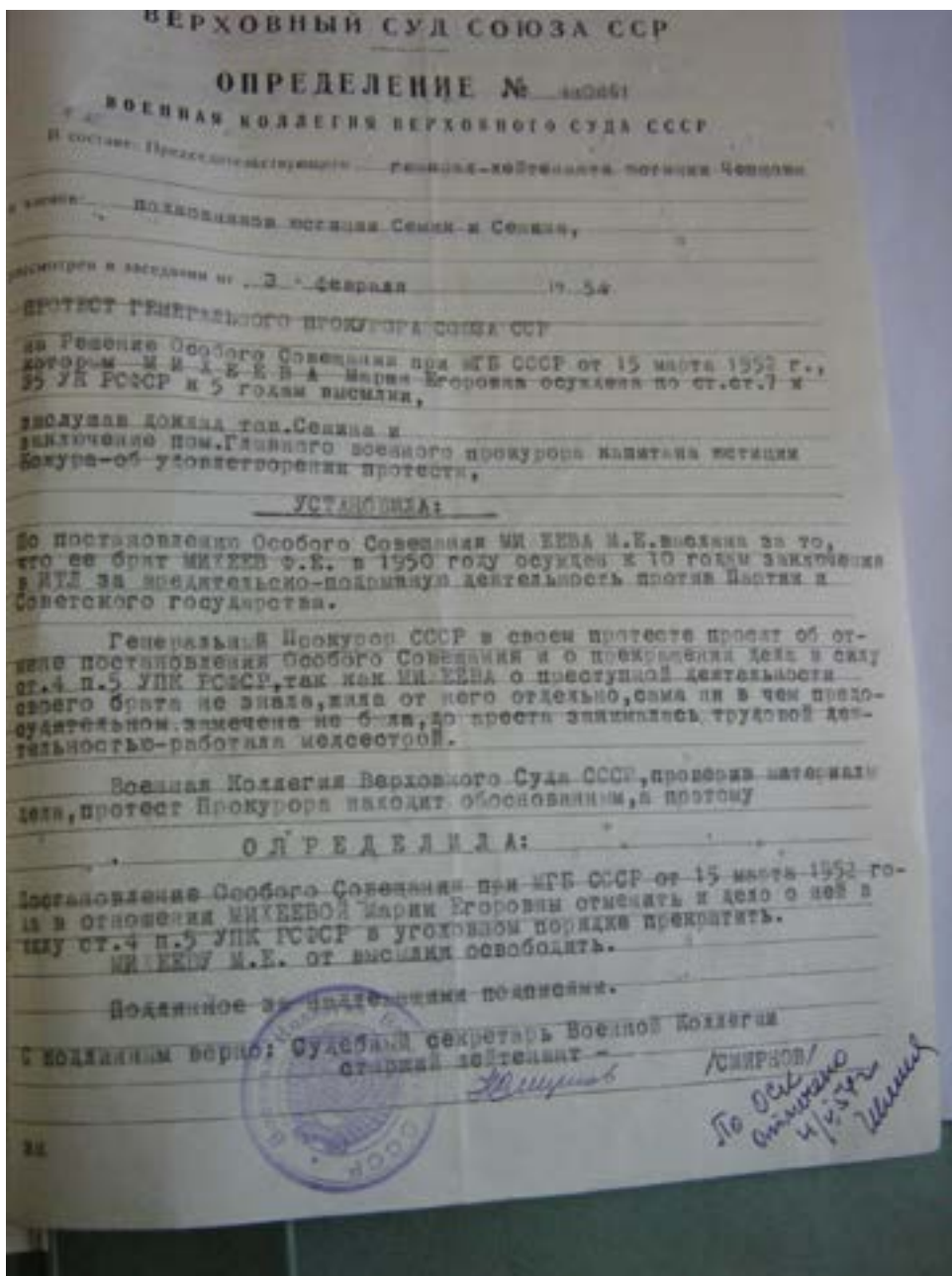
На этом следствие практически закончилось, о чем Приемским был составлен «Протокол объявления об окончании следствия и предъявления следственного производства обвиняемому»⁶⁶.

Тогда же Приемский составил заключение по следственному делу⁶⁷, которое 12 февраля 1952 г. утвердил новый начальник управления МГБ ЛО генерал-лейтенант Н. Д. Ермолаев, а 16 февраля 1952 г. — все тот же заместитель прокурора Ленинграда советник юстиции А. Тихомиров. В заключении указывалось, что она, являясь родной сестрой осужденного за подрывную вредительскую деятельность Михеева Ф. Е., поддерживала с ним родственные связи. И (видимо, как отягчающее обстоятельство. — *Г. М.*): «В декабре 1951 г. получила от него из гор. Владимира письмо и сообщила ему о месте нахождения семьи!»

Дело передавалось на рассмотрение ОСО, полагая целесообразным «МИХЕЕВУ, по признакам ст.ст. 7 и 35 УК РСФСР подвергнуть высылке сроком на “5” лет».

Около месяца длилось ожидание, и 15 марта ОСО вынесло приговор⁶⁸ — пять лет высылки: как выяснилось позднее, в Кокчетавскую область, туда, где уже отбывали ссылку Г. Е. и Е. Е. Михеевы.

Несмотря ни на что, М. Е. Михеева положительно отзывалась о майоре Приемском и была благодарна ему за то, что он своими практическими советами помог ей перенести тяготы пересылок.

Определение Военной Коллегии Верховного суда СССР по делу М. Е. Михеевой

Хотелось бы отметить и следующее: по воспоминаниям А. А., В. Ф., Г. Е., Е. Е. и М. Е. Михеевых, отношение к ленинградцам со стороны других заключенных как в пересыльных тюрьмах, так и на этапах было доброжелательным.

На взгляд автора, представляет интерес информация о дислокации мест ссылки в СССР, которые перечислены в одном из документов из следственного дела М. Е. Михеевой: «Для сведения сообщаем, что согласно решения Правительства местами ссылки, высылки являются район Колымы на Дальнем Севере, районы Новосибирской области и Красноярского края, расположенные в 50-ти километрах севернее Транссибирской железно-дорожной магистрали, Акмолинская, Карагандинская, Кзыл-Ординская, Джамбульская, Северо-Казахстанская, Кокчетавская и Кустанайская области Казахской ССР».

Вскоре после смерти И. В. Сталина, 27 марта 1953 г., вышел известный Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии», на основании которого Г. Е., Е. Е. и М. Е. Михеевы в конце апреля 1953 г. были освобождены из ссылки⁶⁹ (но не реабилитированы) и в мае 1953 г. возвратились в Ленинград. А. А. и В. Ф. Михеевы оставались в Кокчетаве, поскольку они были осуждены на восемь лет ссылки и под амнистию не попадали.

30 декабря 1953 г. было вынесено заключение по делу Михеева Г. Е.⁷⁰, утвержденное лично министром внутренних дел Союза ССР генерал-полковником С. Н. Кругловым. В заключении, в частности, указывалось: «Из материалов архивно-следственного дела видно, что МИХЕЕВ Г. Е. в преступной связи с МИХЕЕВЫМ Ф. Е. не состоял, о его преступной деятельности не знал, как социально-опасная личность себя ничем не проявлял... Других компрометирующих МИХЕЕВА Г. Е. материалов в деле нет».

Таким образом, виновность Ф. Е. МИХЕЕВА тогда еще не подвергалась сомнению, откуда следует, что процесс реабилитации жертв «ленинградского дела» начинался с семей и родственников основных осужденных по нему.

Суть документа — «Ходатайствовать перед Генеральным прокурором Союза ССР о внесении протеста в Военную Коллегию Верховного Суда СССР на предмет отмены решения Особого Совещания МГБ СССР от 15 августа 1951 г. в отношении МИХЕЕВА Григория Егоровича... за отсутствием состава преступления».

Аналогичные заключения были вынесены по делам Е. Е. Михеевой⁷¹ и М. Е. Михеевой⁷².

3 февраля 1954 г. состоялось заседание Военной Коллегии Верховного Суда СССР под председательством генерал-лейтенанта юстиции А. А. Чепцова, на котором было вынесено следующее Определение: «Постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 15 августа 1951 года в отношении Михеева Григория Егоровича отменить и дело о нем производством прекратить в силу ст. 4 п. 5 УПК РСФСР. Михеева Г. Е. от высылки освободить»⁷³.

Здесь также вопрос о невиновности Ф. Е. Михеева пока еще не встает. Аналогичные определения в тот же день были вынесены и в отношении Е. Е. и М. Е. Михеевых.

Справка о реабилитации М. Е. Михеевой

М. Е. Михеева была ознакомлена с Определением в Ленинграде 6 мая 1954 г. (уже после возвращения Ф. Е. Михеева из заключения), в чем сотрудник УМГБ ЛО получил от нее расписку⁷⁴. Официальную же справку от Военной Коллегии⁷⁵, свидетельствующую о том, что «Постановление Особого Совещания отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено», М. Е. Михеева получила в июне 1954 г. Подписана она была никем иным, как И. О. Матулевичем, председательствовавшим на процессе в ленинградском Доме офицеров в сентябре 1950 г.!

Подобный же механизм действовал и в отношении других членов семьи и родственников Ф. Е. Михеева. Таким образом, к лету 1954 г. для Михеевых закончилась темная полоса жизни, связанная с репрессиями по «ленинградскому делу». Именно для Михеевых, поскольку, как это ни странно, на свободе оставались родные брат и две сестры Ф. Е. Михеева. Дело в том, что они носили другие фамилии.

Это Егоров Федор Егорович, 1915 года рождения, Петрова Александра Егоровна, 1912 года рождения, и Михайличенко Анна Егоровна, 1916 года рождения. Удивляет то, что их не тронули, хотя они не скрывались, а места их работы и жительства были известны из показаний ранее арестованных родственников. Видимо, органам МГБ было дано указание арестовывать только Михеевых, что и было выполнено.

Следует отметить, что в некоторых случаях репрессии применялись не только в отношении жен (даже бывших), мужей, детей, братьев и сестер осужденных ленинградских ру-

ководителей, но также в отношении престарелых родителей некоторых из них, племянников и даже жен братьев⁷⁶.

Анализируя рассмотренные архивные материалы, можно прийти к выводу, что если основных осужденных по «ленинградскому делу» различными методами, вплоть до физического и психологического насилия, принуждали к даче нужных признательных показаний, то в отношении членов семей и родственников основных фигурантов органами МГБ следствие велось рутинно. Признания вины от подследственных не добивались: видимо, достаточно было лишь зафиксировать степень родства по отношению к основному осужденному, а также наличие хотя бы каких-то контактов с ним. Очевидно, что все было заранее определено и расписано, необходимо было только соблюсти определенные процессуальные формальности, что и успешно осуществлялось.

Это подтверждается и воспоминаниями В. Ф. Михеева: «складывается впечатление, что мои допросы и, видимо, допросы некоторых других родственников осужденных, проводились формально, чтобы показать видимость работы. Основное дело было удачно завершено МГБ, а мы лишь представляли для них неизбежные мелочи, характерные для таких масштабных репрессий»⁷⁷.

¹ «Ленинградское дело» / Сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л., 1990.

² Вознесенский Л. А. Истины ради. М., 2004.

³ Судьбы людей. «Ленинградское дело» / Под ред. А. М. Кулегина, сост. А. П. Смирнов. СПб., 2009.

⁴ Ваксер А. З. «Ленинградское дело». Итоги изучения и новые аспекты. СПб., 2012.

⁵ Кутузов В. А. 1) «Ленинградское дело»: к вопросу о количестве репрессированных // Петербургские чтения 98–99. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург–2003». СПб., 1999. С. 378–380; 2) «Ленинградское дело»: реабилитация // Университетские Петербургские чтения. СПб., 2003. С. 305–311.

⁶ Смирнов А. П. «Ленинградское дело». Портрет поколения // История Петербурга. 2006. № 6. С. 18–23.

⁷ Амосова А. А. 1) П. С. Попков и «ленинградское дело» // Россия в XX веке. Проблемы политической, экономической и социальной истории / Под ред. М. В. Ходякова. СПб., 2008. С. 175–176; 2) Второй секретарь Ленинградского городского комитета ВКП(б) Я. Ф. Капустин и трагедия его семьи (по материалам «Ленинградского дела») // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 2. Вып. 4. С. 35–46.

⁸ Болдовский К. А. К вопросу об экспансии ленинградских кадров в 1946–1948 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 2. Вып. 3. С. 121–126.

⁹ Бранденбергер Д. 1) Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956) / Пер. с англ. Н. Алешиной и Л. Высоцкого. СПб., 2009. С. 275–289; 2) «Ленинградское дело» в контексте партийно-государственных перипетий конца 1940-х гг. // Российская государственность: власть и общество в XX веке: тезисы докладов Международной научной конференции, 30–31 мая 2013 г. СПб., 2013. С. 103–104.

- ¹⁰ Амосова А. А. Основные подходы к изучению «Ленинградского дела» в англоязычной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 2. Вып. 4. С. 26–33.
- ¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 66. Л. 125.
- ¹² Михеев В. Ф., Михеев Г. Ф. «Ленинградское дело» (по материалам следственных дел) (часть II) // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 188–192.
- ¹³ Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ). Арх. № Р–11. Д. № 4208. Л. 3.
- ¹⁴ Там же. Л. 6.
- ¹⁵ Там же. Л. 7.
- ¹⁶ Государственный музей политической истории России (далее — ГМПРИ). Ф. VI.6. Воспоминания В. Ф. Михеева. С. 30.
- ¹⁷ ЦА ФСБ. Арх. № Р–11. Д. № 4208. Л. 4.
- ¹⁸ Там же. Л. 2.
- ¹⁹ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1952. С. 4, 11–12.
- ²⁰ ЦА ФСБ. Арх. № Р–11. Д. 4208. Л. 10.
- ²¹ Там же. Л. 11–12.
- ²² ГМПРИ. Ф. VI.6. Воспоминания В. Ф. Михеева. С. 34.
- ²³ ЦА ФСБ. Арх. № Р–11. Д. № 4208. Л. 13–16.
- ²⁴ Там же. Л. 19.
- ²⁵ ГМПРИ. Ф. VI.6. Воспоминания В. Ф. Михеева. С. 33–34.
- ²⁶ ЦА ФСБ. Арх. № Р–11. Д. 4208. Л. 21.
- ²⁷ Там же. Л. 20–21.
- ²⁸ Там же. Л. 22–23.
- ²⁹ Там же. Л. 25.
- ³⁰ Смирнов А. П. «Сын за отца не отвечает» // История Петербурга. 2014. № 1. С. 48–64.
- ³¹ Дети ГУЛАГа. 1918–1956. Документы. М., 2002. С. 234–238.
- ³² Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — архив УФСБ по СПб и ЛО). Арх. № П–13972. Д. 698–51. Л. 6–7; Арх. № П–96. Д. 701–51. Л. 6–7.
- ³³ Там же. Арх. № П–13972. Д. 698–51. Л. 3; Арх. № П–96. Д. 701–51. Л. 3.
- ³⁴ Там же. Арх. № П–13972. Д. 698–51. Л. 4; Арх. № П–96. Д. 701–51. Л. 4.
- ³⁵ Там же. Арх. № П–13972. Д. 698–51. Л. 5; Арх. № П–96. Д. 701–51. Л. 5.
- ³⁶ Там же. Арх. № П–13972. Д. 698–51. Л. 9.
- ³⁷ Там же. Л. 16.
- ³⁸ Там же. Л. 18.
- ³⁹ Там же. Л. 17.
- ⁴⁰ Центральный Военно-морской архив. Архивная справка от 16 мая 1996 г. № 502.501. Находится в личном архиве К. И. Сергеева.
- ⁴¹ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Арх. № П–13972. Д. 698–51. Л. 2; Арх. № П–96. Д. 701–51. Л. 2.
- ⁴² Там же. Арх. № П–13972. Д. 698–51. Л. 20–21; Арх. № П–96. Д. 701–51. Л. 20–21.
- ⁴³ Там же. Арх. № П–13972. Д. 698–51. Л. 28–29.
- ⁴⁴ Там же. Л. 22; Арх. № П–96. Д. 701–51. Л. 23.
- ⁴⁵ Там же. Арх. № П–96. Д. 701–51. Л. 24–27.
- ⁴⁶ Там же. Арх. № П–13972. Д. 698–51. Л. 23–25.
- ⁴⁷ Там же. Арх. № П–96. Д. 701–51. Л. 28.

- ⁴⁸ Там же. Л. 31–32.
- ⁴⁹ Там же. Арх. № П–13972. Д. 698–51. Л. 30, 33–34.
- ⁵⁰ Там же. Л. 35; Арх. № П–96. Д. 701–51. Л. 33.
- ⁵¹ Там же. Арх. № П–97. Д. 13–52. Л. 6.
- ⁵² Там же. Л. 3.
- ⁵³ Там же. Л. 4.
- ⁵⁴ Там же. Л. 10.
- ⁵⁵ Там же. Л. 17.
- ⁵⁶ Там же. Л. 7–8.
- ⁵⁷ Там же. Л. 29.
- ⁵⁸ Там же. Л. 2.
- ⁵⁹ Там же. Л. 18–19.
- ⁶⁰ Там же. Л. 20–21.
- ⁶¹ Там же. Л. 22–23.
- ⁶² Там же. Л. 11.
- ⁶³ Там же. Л. 24.
- ⁶⁴ Там же. Л. 26.
- ⁶⁵ Там же. Л. 27.
- ⁶⁶ Там же. Л. 28.
- ⁶⁷ Там же. Л. 30–31.
- ⁶⁸ Там же. Л. 33.
- ⁶⁹ ГМПР. Ф. VI. 6. Справка от 29 апреля 1953 г. № 28 об освобождении М. Е. Михеевой из высылки.
- ⁷⁰ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Арх. № П–13972. Д. 698–51. Л. 37–39.
- ⁷¹ Там же. Арх. № П–96. Д. 701–51. Л. 37–39.
- ⁷² Там же. Д. 13–52. Л. 36–38.
- ⁷³ Там же. Арх. № П–13972. Д. 698–51. Л. 42.
- ⁷⁴ Там же. Арх. № П–97. Д. 13–52.
- ⁷⁵ ГМПР. Ф. VI. 6. Справка Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 12 июня 1954 г. № 4н-0861/54.
- ⁷⁶ Докладная записка С. Н. Круглова и И. А. Серова Н. С. Хрущеву // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 63–64.
- ⁷⁷ ГМПР. Ф. VI. 6. Воспоминания В. Ф. Михеева. С. 34.

УДК 94(47).084.8

Михеев Г. Ф. Волны «ленинградского дела» (по материалам следственных дел родственников «врага народа») // Новейшая история России. 2015. № 1 (12). С. 83–109.

АННОТАЦИЯ: В данной статье автор на основании архивных документов, недоступных для широкого круга исследователей, прослеживает ход репрессий по отношению к членам семьи и родственникам бывшего управляющего делами Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) Ф. Е. Михеева, осужденного на первом процессе «ленинградского дела», состоявшемся 30 сентября –

1 октября 1950 г. в Ленинградском Доме офицеров. В статье на примере Михеевых прослежено начало преследования членов семей и родственников осужденных ленинградских руководителей, инициированное тогдашним секретарем Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) В. М. Андриановым. Описываются также действия «органов», связанные с «изъятием» из семей арестованных малолетних детей и помещении их в детские дома. Используя материалы следственных дел, хранящихся в архивах ФСБ, автор реконструирует следственные действия, которые проводились органами МГБ в отношении сына и родственников Ф. Е. Михеева, отмечая как индивидуальные особенности ведения следствия, так и характерные черты, ему присущие. В статье прослеживается хронология арестов, ведения следствия, вынесения приговоров, а также амнистирования и реабилитации сына и родственников Ф. Е. Михеева, приводятся выписки из подлинных следственных документов (протоколов допросов, постановлений, ордеров на арест и др.), рассматриваются освобождение родственников Ф. Е. Михеева из ссылки по амнистии 1953 г. и в дальнейшем их реабилитация в 1954 г. Анализируя привлеченные архивные материалы, автор отмечает то общее, что было характерно для осуществления в рамках «ленинградского дела» репрессивных действий по отношению к женам (мужьям), детям и родственникам основных фигурантов «дела».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: репрессии, «ленинградское дело», ленинградские руководители, И. В. Сталин, В. М. Андрианов, Особое Соединение, Михеевы, ссылка, детский дом, амнистия, реабилитация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: сын Ф. Е. Михеева, управляющего делами Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) в 1940–1949 гг. (Санкт-Петербург, Россия); mgf-spb@yandex.ru

Mikheev G. F. 'Waves of the "Leningrad Affair" (A Case Study on the Repression of Relatives of the "Enemies of the People" Based on Investigatory Materials)'

ABSTRACT: This article concerns the repression of the family of F. E. Mikheev and is based on archival documents, which remain inaccessible to most historians to the present day. F. E. Mikheev served as manager of the Leningrad regional and city party committee and was condemned during the first trial of the “Leningrad affair” that took place in Leningrad between 30 September and 1 October 1950. The author uses the investigation of the Mikheev family as a case study capable of illustrating the structure of the repressions that were authorized against the families of the condemned Leningrad officials by V. M. Andrianov, secretary of the Leningrad regional and city party committee. It also shows how their children were put into state orphanages after their parents’ arrest. On the basis of archival documents the author reconstructs the investigation against F. E. Mikheev’s relatives and makes an attempt to identify features typical of the repressions against the families of the “Leningrad Affair” victims.

KEYWORDS: repressions, “Leningrad affair”, Leningrad officials, I. V. Stalin, V. M. Andrianov, Mikheev, exile, children’s house, amnesty, exculpation.

AUTHOR: son of F. E. Mikheev, who served in 1940–1949 as manager of Leningrad regional and city AUCP(b) committee (St. Petersburg, Russia); mgf-spb@yandex.ru

REFERENCES:

- ¹ «Leningradskoe delo», Comp. V. I. Demidov, V. A. Kutuzov (Leningrad, 1990).
- ² Voznesenskiy L. A. *Istiny radi* (Moscow, 2004).
- ³ *Sudby liudei. «Leningradskoe delo»*, Ed. A. M. Kulegin, Comp. A. P. Smirnov (St. Petersburg, 2009).
- ⁴ Vakser A. Z. «Leningradskoe delo». *Itogi izucheniia i novye aspekty* (St. Petersburg, 2012).
- ⁵ Kutuzov V. A. «Leningradskoe delo»: k voprosu o kolichestve repressirovannykh, *Peterburgskie chteniia 98–99. Materialy enticopedicheskoi biblioteki «Sankt-Peterburg–2003»* (St. Petersburg, 1999).
- ⁶ Kutuzov V. A. «Leningradskoe delo»: reabilitatsiia, *Universitetskie Peterburgskie chteniia* (St. Petersburg, 2003).

⁷ Smirnov A. P. '«Leningradskoe delo». Portret pokoleniia' in *Istoriia Peterburga*, 2006, no. 6.

⁸ Amosova A. A. 'P. S. Popkov i «Leningradskoe delo», *Rossii v XX veke. Problemy politicheskoi, ekonomicheskoi i sotsialnoi istorii*, Ed. M. V. Khodjakov (St. Petersburg, 2008).

⁹ Amosova A. A. 'Vtoroi sekretar Leningradskogo gorodskogo komiteta VKP(b) i tragediia ego semi (po materialam «Leningradskogo dela）」 in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2014, Ser. 2, Iss. 4.

¹⁰ Boldovskii K. A. 'K voprosu ob ekspansii leningradskikh kadrov v 1946–1948 gg.' in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2010, Ser. 2, Iss. 3.

¹¹ Brandenberger D. *National-bolshevizm. Stalinskaia massovaiia kultura i formirovanie russkogo natsionalnogo samosoznaniia (1931–1956)* (St. Petersburg, 2009).

¹² Brandenberger D. '«Leningradskoe delo» v kontekste partiino-gosudarstvennykh peripetii kontca 1940-kh gg.', *Rossiiskaia gosudarstvennost: vlast i obshchestvo v XX veke: tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 30–31 maia 2013 g.* (St. Petersburg, 2013).

¹³ Amosova A. A. 'Osnovnye podkhody k izucheniiu «Leningradskogo dela» v angloiazychnoi istoriografii' in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2013, Ser. 2., Iss. 4.

¹⁴ Mikheev V. F., Mikheev G. F. '«Leningradskoe delo» (po materialam sledstvennykh del)' (part II) in *Noveishaia istoriia Rossii*, 2013, no. 1.

¹⁵ Smirnov A. P. '«Syn za otca ne otvechaet」 in *Istoriia Peterburga*, 2014, no. 1.

¹⁶ *Deti GULAGA. 1918–1956. Dokumenty* (Moscow, 2002).